

Н. В. Ануфриева

ИКОНОГРАФИЯ СТРАШНОГО СУДА ПО СТАРООБРЯДЧЕСКИМ РУКОПИСЯМ КНИЖНЫХ СОБРАНИЙ СРЕДНЕГО УРАЛА*

«...От Суда веет не одним страхом и ужасом... Он может подать и обильное утешение. Ибо там будет сказано не одно: «идите... проклятые...», но и другое: «придите, благословенные...» и последнее прежде первого...»

(Свт. Феофан Затворник. «Семь слов в недели, приготовительные к Великому посту». Гл. 3).

Многоплановая драматичная композиция на тему Страшного Суда состоит из отдельных сюжетов, которые на протяжении времени существования христианства извлекались из богословских сочинений, нравоучительных сборников, канонических и апокрифических памятников, тем самым последовательно и постепенно уточняя и делая более наглядной общую картину последнего Судного дня. В статье проанализированы иконографические сюжеты, взятые из рукописных книг собраний Уральского региона, пополнивших единую картину Страшного Суда. Следуя за текстом сочинения, уральские переписчики создавали визуальный ряд, исходя из созданной ими же традиции либо перенимая элементы других бытовавших традиций, в том числе и элементы западноевропейского влияния, в результате чего мы можем наблюдать особенности изобразительного ряда рукописей, созданных в Уральском регионе.

Ключевые слова: *Страшный Суд, миниатюра, христианская иконография, старообрядчество, рукописи.*

* Публикация подготовлена в рамках выполнения проекта № 33.2182.2017/4.6 («Формирование русской культурно-религиозной идентичности: памятники традиционной письменности как символические коды культурной памяти») госзадания МО РФ научным коллективам исследовательских центров и (или) научных лабораторий образовательных организаций высшего образования на 2017–2019 гг.

Изображение величественных картин заключительного момента мировой истории, когда явится высший Судия, чтобы «воздать каждому по делам его»¹, и свершится вселенский Страшный Суд над живыми и мертвыми, складывалось в христианской иконографии на протяжении многих веков и нашло отражение во фресковых росписях храмов, барельефах, иконописи, книжной миниатюре, лубочной картинке, а также в современном искусстве различных стилевых направлений — от классики до модерна.

Традиционную композицию Страшного Суда составляют несколько последовательно сменяющих друг друга картин или сюжетных линий. Трубный глас ангелов, явление Иисуса Христа на Престоле, раскрытые книги, воскрешение мертвых, Суд над праведниками и грешниками, и далее картины обновления мира, торжество праведников в небесном Иерусалиме и, по другую сторону, — низверженные в ад грешники с изображением вечных мучений. Это основные магистральные сюжеты темы Страшного Суда, которые со временем «обрастали» новыми сюжетными линиями, изобразительными деталями, способствующими более точному пониманию и восприятию этой главной темы христианского искусства. Для примера можно сравнить две иконы с изображением Страшного Суда — синайская XII в. и ростовская XIX в. (ил. 1).

Нельзя не обратить внимание на то, как на ростовской иконе XIX века более детализованно и подробно, чем на ранней синайской иконе, переданы все аспекты сюжета, привнесены новые линии, позволяющие глубже понять идею композиции Страшного Суда.

Во фресковых росписях храмов эта композиция также представлена целостной картиной с добавлением, кроме основных линий сюжета, еще других, дополнительных, составляющих общий фон, в результате чего фресковые росписи на тему Страшного Суда занимают большое пространство — как правило, всю западную стену храма.

В русской рукописной лицевой книге, как и во фреске и в иконе, также имел место процесс отражения художественного развития темы Страшного Суда. Но, в отличие от фрески и иконы, целостно представляющих картину, книжная миниатюра, как правило, ориентирована на текст определенной главы, где идет описание соответствующего события Страшного Суда и, таким образом, последовательно раскрываются отдельные сюжеты этой темы.

¹ Откр 22. 12.

Сохранилось немало иллюстрированных книжных памятников со сценами Страшного Суда, как в восточнославянских странах, так и в западноевропейских. Это, прежде всего, списки Апокалипсисов, Псалтирей, сочинения житийного, назидательного характера, ветхозаветные пророчества, евангельские тексты и др. Большое количество рукописей на эсхатологические темы приходится на XVI–XVII вв., когда в обществе особенно обостренно и активно проявлялся интерес к проблеме «последних дней» и периодически происходило «вычисление» даты Страшного Суда, соответственно, Пришествия Спасителя и с ним акта наказания грешников и спасения безгрешных. Тема Страшного Суда нашла широкое отражение в трудах исследователей².

Особое звучание тема эсхатологии получила в идеологии русского старообрядчества, которое восприняло нововведения патриарха Николая во второй половине XVII в. в церковную жизнь как отступление от истинного православия, что было, по их мнению, предвестием конца света. Такая оценка событий вызвала рост интереса к сочинениям, повествующим о признаках приближающегося Судного дня. В результате активной духовной деятельности старообрядчества появилось множество лицевых памятников, разнообразно отражающих тему Страшного Суда. Причем именно в рамках старообрядческой книжной традиции появились лицевые списки литературных произведений эсхатологической направленности, которые раньше никогда не иллюстрировались, например, «Житие Василия Нового и Григориево видение», «Слово Пал-

² *Покровский Н. В.* Страшный Суд в памятниках византийского и русского искусства // Труды VI Археологического съезда в Одессе (1884 г.). Т. III. Одесса, 1887. С. 285–381; *Буслаев Ф. И.* Свод изображений из Лицевых апокалипсисов по русским рукописям с XVI в. по XIX в. [Исследование]. М., 1884. С. 478–492; *Буслаев Ф. И.* Изображение Страшного Суда по русским подлинникам // Древнерусская литература и православное искусство. СПб., 2001. С. 187–209; *Цодикович В. К.* Семантика иконографии Страшного Суда в русском искусстве XV–XVI вв. Ульяновск, 1995. 298 с.; *Давидова М. Г.* Иконы «Страшного Суда» XVI–XVII вв. Пространство художественного текста // Сайт «Образовательный портал “Слово”». URL: http://www.portal-slovo.ru/art/35909.php?ELEMENT_ID=35909&PAGEN_1=4 (дата обращения: 01.04.2017); *Бережная Л. А.* «Одесную» и «ошуюю». Русские и русинские православные иконы «Страшного Суда» на рубеже эпох // Человек между царством и империей: сб. мат-лов междунар. конф. М., 2003. С. 453–480; URL: <http://drevn.narod.ru/berejnaja.htm> (дата обращения: 02.10.2015); *Пивоварова Н. В.* Страшный Суд. СПб., 2014. 73 с.; *Ануфриева Н. В., Починская И. В.* Лицевые апокалипсисы Урала. Екатеринбург, 2014. 230 с.; и др.

ладия мниха о Страшном Суде», «Слово о скончании мира... Ипполита, папы Римского» и др. Иллюстрации этих литературных памятников позволяют рассмотреть отдельные сюжеты большой картины, в совокупности составляющие единое пространство темы Страшного Суда.

Рукописные книги собраний Уральского региона дают возможность ознакомиться с некоторыми аспектами художественного процесса складывания целостной иконографической картины Страшного Суда, характерного для русского искусства.

В статье рассмотрены рукописи из коллекций Лаборатории археографических исследований Уральского федерального университета (ЛАИ УрФУ, г. Екатеринбург), частного музея «Невьянская икона» (МНИ, г. Екатеринбург), Нижнетагильского муниципального музея «Горнозаводской Урал» (НТМЗ, г. Нижний Тагил). Это «Житие Василия Нового и Григориево видение» (ЛАИ УрФУ. IV.23р); «В неделю мясопустную слово преподобного отца нашего Палладия мниха о втором пришествии Христове, и о Страшном Суде, и о будущей муке, и о умилении души» (МНИ. № 2.5р); Толковый Апокалипсис (ЛАИ УрФУ. XIV.42р; НТМЗ. ТМ-18104); «Месяца ноемврия в 8 день Пандолеонта диакона и хартофилака великие церкви, Сказание чудес превеликаго и преславнаго Архистратига Михаила»³ (НТМЗ. ТМ-18104); «Блаженного Ипполита папы Римского и мученика слово в неделю мясопустную о скончании мира и о антихристе и о втором пришествии Господа нашего Иисуса Христа» (ЛАИ УрФУ. V.354р); «Житие святого Агапия» (ЛАИ УрФУ. XXII.17р).

Книжный памятник Откровение ап. Иоанна Богослова или Апокалипсис, целостные иллюстрированные варианты которого появились наиболее рано (в западноевропейской традиции — с VIII в., в русской — с сер. XVI в.), является одним из важнейших источников по иконографии Страшного Суда⁴. Сюжет Книги Апокалипсис более подробно останавливается на событиях, предшествующих Страшному Суду и в

³ Данное название памятника представлено в Великих Минеях Четых митрополита Макария за ноябрь (1–12).

⁴ Подробнее о миниатюрах уральских апокалипсисов см.: *Ануфриева Н. В.* Сравнительно-исторический анализ изобразительной традиции старообрядческого иллюминированного апокалипсиса на примерах списков Лаборатории археографических исследований УрФУ // Вестник музея «Невьянская икона». Вып. IV. Екатеринбург: Изд. группа «Колумб», 2013. С. 112–134; *Ануфриева Н. В., Починская И. В.* Лицевые апокалипсисы Урала. Екатеринбург, 2014. 230 с.

меньшей степени освещает события непосредственно Божественного правосудия. Это произведение есть «откровение», которое послал Господь Бог через Своего апостола о том, что должно наступить вскоре на земле перед наступлением «последних времен». Подробные описания многочисленных бедствий, болезней, войн, голода, потерь в виде символических видений (четырёх всадников, звуков семи труб, снятия семи печатей, излияние семи чаш гнева, приход антихриста и его слуг) занимают большую часть сочинения, и только в главе 20 библейского текста апостол пишет: «...увидел я престол белый великий и Сидящего на нем...»⁵, и начинается видение самого Страшного Суда. Этому тексту соответствует глава 64 толкового варианта Апокалипсиса, в которой представлено видение раскрытых книг: «...судимы были мертвые по написанному в книгах, сообразно с делами своими...»⁶ (ил. 2) и идет разъяснение понятия «раскрытых книг», — о том, что это есть совесть и дела, накопленные в течение жизни каждым человеком: «...и видех мертвеца великия и малыя стояща пред престолом, и книги разгнушася яже суть животныя, и суд прияша мертви о написанных в них по делом их...»⁷. Каждый из живущих и умерших получает воздаяние по заслугам («по делом их») — как за грехи, так и за праведные дела. Здесь же изображение мертвых, которых отдают земля, море, ад и смерть, чтобы предстать перед Великим Судией: «Тогда море отдало мертвых, бывших в нем, и смерть и ад отдали мертвых, которые были в них...»⁸. И, как итог, подводится мысль о том, что есть смерть вторая: «...и кто не был записан в книге жизни, тот был брошен в озеро огненное...»⁹ (ил. 2). Все эти сюжеты Книги Апокалипсис имеют отражение в иконографической композиции Страшного Суда, которую можно рассмотреть не только на иконах и храмовых росписях, но и в рукописях. В частности, большой интерес в этом плане представляет рукопись, датируемая второй четвертью XVIII в., которая оформлена уральским художником Петром Федоровичем Заверткиным¹⁰. Иконография этого Апокалипсиса ориен-

⁵ Откр 20. 11.

⁶ Откр 20. 12.

⁷ НТМЗ. ТМ-18104. Л. 173 об.

⁸ Откр 20. 13.

⁹ Откр 20. 15.

¹⁰ Подробнее о художнике см.: *Байдин В. И.* Заметки об иконописцах-старообрядцах

тируется на иллюстрации Библии Пискатора, гравюры Василия Кореня, т. е. испытала на себе влияние западноевропейской гравюры. Однако все заимствования художника не являются слепым копированием: осмысленные и творчески переработанные, они стали основой оригинального авторского стиля.

Нередко в ранних лицевых рукописях XVI–XVII вв. сюжет Апокалипсиса соединялся с сюжетом одной из глав другого сочинения эсхатологического характера — «Сказанием Панталеонта диакона...»¹¹, византийского памятника рубежа IX–X вв. Последняя глава «Сказания», следуя ветхозаветному пророчеству Даниила, показывает участие Михаила Архангела в событиях «последних дней» — в роли карателя грешников, трубящего ангела, призывающего к Суду живых и мертвых и низвергающего бесов с Неба. Таким образом, подключение главы из «Сказания...» к тексту Толкового Апокалипсиса позволило наиболее исчерпывающе представить картины «большой эсхатологии». Такое сочетание двух памятников — Толкового Апокалипсиса и фрагмента «Сказания...», где два произведения взаимно дополняют друг друга и выступают как единый смысловой апокалиптический комплекс, в иллюстративном его варианте получило в науке устойчивое наименование «Чудовский перевод», которое дал ему первый исследователь русского Лицевого апокалипсиса Ф. И. Буслаев¹². «Чудовский перевод», в свое время, был составлен на основе более раннего списка Лицевого апокалипсиса второй половины XVI в., вошедшего в состав Егоровского сборника (РГБ. Ф. 98. Собр. Егорова. № 1844).

Такой достаточно редкий список «Чудовского перевода» нашел отражение в рукописи начала XVIII в. собрания Нижнетагильского музея горнозаводского дела¹³. Эта рукопись по своей структуре и по иконогра-

на горных заводах Урала в перв. пол. — сер. XVIII в.: новые имена и новое об известных мастерах // Невьянская икона. Вып. I. Екатеринбург, 2002. С. 58–81; *Он же*. Лицевая книга Сибири // Сибирская икона. Омск, 1999. С. 239; *Ануфриева Н. В., Починская И. В.* Лицевые апокалипсисы Урала. С. 44–47.

¹¹ Название полностью см. выше (*прим.* — Н. А.).

¹² См.: *Буслаев Ф. И.* Свод изображений из Лицевых апокалипсисов... С. 478–492.

¹³ Подробнее о Нижнетагильской рукописи см.: *Ануфриева Н. В.* Апокалиптический образ Михаила Архангела в русской традиции и отражение его в иконографии Нижнетагильской рукописи // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2015. № 2 (10). С. 53–66.

фическому содержанию представляет собой огромную ценность, прежде всего потому, что она уводит нас к истокам русской апокалиптической иллюстрации, когда был создан один из ранних вариантов Лицевого апокалипсиса. Иконография памятника соответствует наиболее распространенной на Руси редакции Апокалипсиса — Филаретовско-Чудовской. В нижнетагильской рукописи 64 миниатюры Апокалипсиса дополняются 4 миниатюрами «Сказания...», которые иллюстрируют отдельные эпизоды перед приходом Судии и само действие Страшного Суда.

Для нас особенно важны миниатюры этого сочинения, вошедшие в иконографическую систему Страшного Суда. Это сюжет с пророком Даниилом и Архангелом Михаилом (ил. 3). Текст, относящийся к этому изображению, — фрагмент из «Слова Панталеонта диакона...»: «... [П]ремудрый иже Даниил ближе рече, слышах а[н]гела ко мне...»¹⁴. В книгу также включена миниатюра, которая распространена в иконописи и, особенно часто, во фресковых росписях с изображением трубящего Архангела Михаила в воинских доспехах, созывающего все живое на Страшный Суд (ил. 4). Текст «Сказания...» выразительно и эмоционально описывает происходящее: «...Вострубит бо архангел Михаил и мертвии о Хр[ис]те восстанут нетлени и мы изменимся...»¹⁵.

Тема большой и малой эсхатологии, т. е. ответственности всего человечества в целом и персонально каждого человека на Страшном Суде наиболее подробно представлена в византийском агиографическом сочинении X в. «Житие Василия Нового и Григориево видение», приписываемом монаху Григорию. В период рубежа тысячелетий христиане находились в ожидании конца «тысячелетнего царства», воцарения антихриста и прихода «судных времен», поэтому логичным явлением для искусства этого времени было складывание иконографического канона Страшного Суда, одним из важнейших источников которого было «Житие Василия Нового...», оказавшего влияние на состав и характер композиций Страшного Суда¹⁶.

¹⁴ НТМЗ. ТМ-18104. Л. 13–13 об.

¹⁵ Там же. Л. 171–171 об.

¹⁶ См. исследования: *Вилинский С. Г.* К литературной истории Жития Василия Нового. Одесса, 1911; *Он же.* Житие святого Василия Нового и Григориево видение в русской литературе. Одесса, 1913; *Братчикова Е. К.* Сборник образцов для иллюстрирования Жития Василия Нового (из собрания Ф. И. Буслаева) // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. Т. LV. С. 549–559; *Ануфриева Н. В.* «Житие

Миниатюрный ряд сочинения, ярко воплотившийся в списках книгохранилища ЛАИ УрФУ, подробно показывает цепь событий непосредственного свершения Страшного Суда от сошествия ангела к сатане с известием, что окончилось царство его, воскрешения мертвых, ожидания своей участи мертвыми и живыми до подробного изображения самого акта Суда — наказания грешников и воздаяния праведникам. Подробный анализ греховности человеческой и ответственности за свои поступки на Страшном Суде, а также размышления инока Григория о греховности человека придают этому сочинению нравоучительный характер. Причем описываются не только «слабости» человеческой души, которые ведут ко греху, но и показываются и клеймятся заблуждения политико-идеологической направленности, прежде всего в изображении еретиков, лжеучителей, вероотступников (ил. 5). Завершается сочинение величественной сценой, когда Господь воссел на Престоле славы Своей и призвал к Себе Пречистую Богородицу, двенадцать апостолов, семьдесят Своих учеников. В обращении Господа к Григорию и ко всем людям звучит основное — право выбора человека: «...еже хотите изберите себе или жизнь вечную или муку бесконечную...»¹⁷. Основные тематические блоки сочинения, отраженные в миниатюрах старообрядческих рукописей, в той или иной степени нашли отражение в целостной структуре изобразительной системы Страшного Суда. Но, пожалуй, наиболее примечательным изображением, взятым из этого памятника, является образ «змея мытарств», символизирующего прохождение душой ступеней посмертных испытаний, т. е. своего рода «проверок на качество», которое ведет, в конечном итоге, человеческую душу либо в рай либо в ад.

Список «Жития Василия Нового» конца XVIII века (IV.23р.262), рассмотренный нами, по манере исполнения очень близок рукописям, выполненным в стиле «северных писем». Это условная лаконичная форма рисунка, яркие краски, преобладают среди которых красный и зеленый, широкие обрамляющие рамки, формат в четвертую долю листа. Однако можно предположить, что такое же исполнение могло быть и

Василия Нового и Григориево видение», его место в средневековом круге чтения // Вестник музея «Невьянская икона». Вып. III. Екатеринбург: Изд. группа «Колумб», 2008. С. 161–232; и др.

¹⁷ ЛАИ УрФУ. IV.23р (Сборник эсхатологический). Л. 95.

на Урале, поскольку северные рукописи имели хождение в старообрядческой среде и по их образцу могли переписать необходимый текст с соответствующим оформлением.

Не менее важным эсхатологическим памятником, в котором разворачиваются монументальные картины, связанные с наступлением Страшного Суда, является «Слово Палладия мниха...»¹⁸. После явления миру трубящих ангелов «...море возмутится, земля потрясется и преисподняя вострепещет...»¹⁹ и явится река огненная, которая пожжет землю, после чего, как знамение и предвестие Божественного Пришествия, появится на небе Крест Господень, а затем пустой Престол в окружении ангелов и херувимов и сцена появления на Престоле грозного Судии, когда раскрываются книги и в них «...явлена ... согрешение всех ч[е]л[о]в[е]к...»²⁰, отделение праведников от грешников, когда ангелы ввергают грешников в реку огненную, а праведники получают воздаяние. Заключительным циклом идет описание небесного рая и святого города Иерусалима.

Иконографические образы и символы, отраженные в сочинении «Слово Палладия мниха», также составили одну из граней всей целостной картины Страшного Суда. Это, прежде всего, изображение «огненной реки», идущей от Престола вниз в преисподнюю, которое нередко бытует в композиции наряду с символом «змея мытарств» в центральном регистре иконографической схемы. Также это изображение антихриста в огненном озере, держащего в руках душу Иуды, и муки грешников, разделенных по видам грехов по отдельным секторам, которые, как правило, помещаются в нижнем регистре иконы (ил. 6). Это и отделение праведников от грешников направо от Престола и налево («одесную» и «ошуюю»), и изображение праведников в раю, а грешников в аду (в огненном озере).

Говоря о типологии иллюстративного ряда, содержащегося в рассмотренном списке, следует отметить, что здесь имеет место сходство иконографии с лицевыми памятниками нравоучительного характера

¹⁸ Подробнее по истории возникновения и иконографическим особенностям «Жития Василия Нового» и «Слова Палладия мниха» см.: Ануфриева Н. В. Иконография Страшного Суда по двум памятникам книжных собраний Урало-Сибирского региона // *Przegląd Wschodnioeuropejski*. VII/I. Олштин, 2016. С. 67–82.

¹⁹ ЛАИ ИГНИ УрФУ. V.77р (Сборник эсхатологический). Л. 193.

²⁰ Там же. Л. 206.

северодвинской, пинежской, вологодской традиции XVIII — начала XX вв.²¹ При конкретном анализе и сопоставлении миниатюр сборника музея «Невьянская икона» с миниатюрами северорусских рукописей несложно увидеть, что иллюстрации имеют общее сходство схемы рисунка, при этом различаются в подаче отдельных небольших смысловых элементов миниатюры, цветовой гаммы и даже некоторых характеристик персонажей. Т. е. налицо сходство иконографической редакции, которую условно мы обозначили как «северодвинскую» по наибольшему количеству сходных признаков. Стилистика миниатюр сочинения близка к стилю оформления рукописей, предположительно относящихся к Поволжскому региону. Вот некоторые из признаков этого стиля: монументальные иконописные изображения во весь лист (возможно, выполненные по иконным прорисьям), утонченная манера художественного выражения с использованием светотеневой модулировки, характерная графика палатного письма с детальной прорисовкой и включением орнаментальных мотивов, использование необычной яркой палитры цветов от розово-лилового до темно-фиолетового. Исследуя миниатюры «Слова Палладия мниха...», несложно разглядеть в них руку художника, не только миниатюриста, но и иконописца.

Благодаря старообрядческой книжной традиции появился лицевой вариант еще одного известного литературного сочинения эсхатологической направленности. Это «Слово о скончании мира... Ипполита, папы Римского», которое также ярко и гротескно рисует картины последних дней и Второго Пришествия Спасителя²². В сочинении основное внимание уделяется изображению прихода царства антихриста, как свидетельства конца света. Автор ссылается на ветхозаветные пророчества Даниила, где в

²¹ См.: Собр. БАН: Цветник духовный. 60–70-е гг. XVIII в. Плюшкина, 42; Сб. 50–60-е гг. XVIII в. Каликина, 44; Сб. 90-е гг. XVIII в. 25. 6. 5; Цветник духовный. Кон. XIX в. Чапыгина, 3; Цветник. 10-е гг. XX в. Епифанова, 7; Цветник духовный. Нач. XX в. Чуванова, 244; Цветник духовный. 10-е гг. XX в. 19. 2. 25; Цветник духовный. Нач. XX в., 1. 1. 38; Цветник духовный. Нач. XX в. 1. 1. 40 (Бурцева); и др. Собр. ИРЛИ: Цветник. Кон. XVIII в. Северодвинское, 152; Сборник нравоучительный. II четв. XIX в. Собр. Пухальского, 23; Цветник. Кон. XIX в. Кол. Бурмагиной, 93; Цветник. Нач. XX в. Кол. Бурмагиной, 76; Сб. XX в. Северодвинское, 231; и др.

²² Подробнее по истории создания сочинения, вариантах его бытования и особенностям иконографии по лицевому списку собрания УрФУ см.: *Ануфриева Н. В.* Тема Страшного Суда в лицевом списке сочинения Псевдо-Ипполита (по рукописи собрания ЛАИ ИГНИ УрФУ) // *Slavica Slovaca. Rocnik 51. Bratislava, 2016. No. 2. Pp. 118–130.*

повествовательной форме пересказывает толкование Даниилом сна вавилонского царя Навуходоносора, а также видение самого Даниила. Именно в этом видении подробно охарактеризованы четыре царства-«зверя»: «...Аз Даниил зрях... четыре зверие велицы восходяще от моря <...> первый яко львица.., второй подобен медведице... зверь третий яко рысь..., зверь четвертый страшен и крепок зело...»²³. Звери «вышли из моря» — царства образовались в результате исторических событий, — военных действий, происходивших на «море великом» — на арене деятельности обширных людских масс²⁴. Последний, четвертый зверь был особенно ужасен, поскольку отождествлялся непосредственно с царством антихриста (ил. 7).

Этот сюжет с конца XV в. включался в основную композицию сцены Страшного Суда, отраженную в иконах и фресках, как значимый эсхатологический символ²⁵. Как правило, изображения «зверей» достаточно условны. Иногда на иконах и фресковых росписях их помещают в круг, как обособленный иконографический элемент. На миниатюрах рукописи «звери» изображены с точным воспроизведением всех указанных по тексту деталей, например, десять рогов у четвертого зверя, а также «...рог мал... посреди их...»²⁶. Вероятно, художник осознавал важность ветхозаветного пророчества, значимость его для всей христианской истории, и поэтому не допускал никаких упущений в донесении до читателя содержания текста с помощью изображения.

Один из тематических разделов сочинения посвящен библейским последним временам и «воздаянию каждому по делам его» (Откр 22. 12). Здесь появляются традиционные для эсхатологической темы символы: явление Креста на небе, поддерживаемого двумя ангелами, появление ангелов на облаках с трубами, а на земле воскресших праведников и грешников, появление огненной реки, сжигающей все на своем пути, отделение ангелами праведников от грешников, явление Господа на Престоле и Суд над антихристом, над евреями, над всем человечеством и, наконец, завершение Суда, когда Христос вводит праведников в рай, а ангелы загоняют грешников в преисподнюю.

²³ Сборник эсхатологический... Л. 239–240.

²⁴ Щедровицкий Д. В. Пророчества Книги Даниила. 597 год до н. э. Москва: Оклик, 2010. С. 116.

²⁵ Подробнее об этом: Пивоварова Н. В. Страшный Суд. СПб., 2014. С. 13–14.

²⁶ ЛАИ ИГНИ УрФУ. V. 354р (Сборник эсхатологический). Л. 240.

Отдельные картины, отраженные в миниатюрах рукописи, являются частями общего иконописного сюжета на тему Страшного Суда. Образ «огненной реки», взятый из Книги пророка Даниила²⁷, как и в сочинении «Слово Палладия мниха», является одним из наиболее ярких и знаковых во всей композиции. На иконах изображение огненной реки переходит в огненное озеро или преисподнюю, в которой сторают все демонические силы и грешники.

Рассмотренный нами список лицевого «Слова Ипполита...» входит в состав эсхатологического сборника, созданного в 1817–1819 гг. (датован по бумаге). Ранее он принадлежал курганской поморской общине. По стилю исполнения памятник также близок поморским рукописям. В нем отсутствуют пышные заставки и инициалы, характерные для поморской стилистики, однако широко представлены поморская вязь в заголовках, киноварные инициалы и поморский полуустав. Миниатюры по манере исполнения достаточно лаконичны, выполнены очень аккуратно, в них включено много сопровождающих и разъясняющих надписей.

Отдельные стороны темы посмертной судьбы человека раскрываются также в сочинении «Житие святого Агапия». Но, в отличие от уже рассмотренных памятников, где основной акцент делается на показе греховности человеческой и расплаты за грехи на Страшном Суде, здесь показаны картины будущей райской жизни, которая уготовлена праведникам (ил. 8). Это также одна из составляющих большой композиции на тему Страшного Суда. Миниатюры рукописи, возможно, выполнены художником малоопытным, поскольку они больше напоминают детские рисунки (стиль «примитива»). Однако они не могут не пленять своей непосредственностью, цветистостью и радостью. О таких ярких и восторженных изображениях не стоит забывать при анализе картин Страшного Суда, поскольку они достойно занимают свое место во всей большой композиции, а именно по правую руку Христа, где соберутся все святые и праведники.

Завершая краткий обзор иконографии сочинений, раскрывающих тему Страшного Суда, можно выделить несколько главных моментов. Изобразительная система Страшного Суда в русском искусстве складывалась на протяжении столетий. Она формировалась на основе текстов Евангелия, Апокалипсиса, ветхозаветных пророчеств Даниила, Иезе-

²⁷ Дан 7. 10.

кииля, малых пророков (Амоса, Михея, Аввакума, Захарии, Малахии и др.²⁸), святоотеческих творениях («Слово Ефрема Сирина», «Слово Палладия мниха», «Слово о скончании мира... Ипполита, папы Римского»), житийной литературы («Житие Василия Нового», «Житие святого Агапия»), апокрифических сочинений («Хождение Богородицы по мукам») и др. Каждое из этих сочинений наглядно и зримо представляет картину посмертной участи человека в христианской традиции. В большинстве сочинений эсхатологической направленности представлена целостная иконографическая схема со сведением воедино многих свидетельств, пророчеств, с подробным изложением основных характеристик христианского учения о Страшном Суде. В некоторых сочинениях отражаются отдельные грани единой картины Страшного Суда.

Анализ иконографического содержания книжных памятников уральских собраний позволяет пополнить представление о картине Страшного Суда, широту художественного замысла и драматизм сюжета, учитывая особенности изобразительного ряда рукописей, собранных в Уральском регионе.

Список литературы

1. Ануфриева Н. В., Починская И. В. Лицевые апокалипсисы Урала (каталог-монография). Екатеринбург, 2014. 230 с.
2. Ануфриева Н. В. «Житие Василия Нового и Григоријево видение», его место в средневековом круге чтения // Вестник музея «Невьянская икона». Вып. III. Екатеринбург: Издат. группа «Колумб», 2008. С. 161–232.
3. Ануфриева Н. В. Апокалиптический образ Михаила Архангела в русской традиции и отражение его в иконографии Нижнетагильской рукописи // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2015. № 2 (10). С. 53–66.
4. Ануфриева Н. В. Иконография Страшного Суда по двум памятникам книжных собраний Урало-Сибирского региона // *Przegląd Wschodnioeuropejski*. VII/I. Олштин, 2016. С. 67–82.
5. Ануфриева Н. В. Сравнительно-исторический анализ изобразительной традиции старообрядческого иллюминированного апокалипсиса на примерах списков Лаборатории археографических исследований УрФУ // Вестник музея «Невьянская икона». Вып. IV. Екатеринбург: Изд. группа «Колумб», 2013. С. 112–134.

²⁸ Подробнее см.: Пророк Даниил. Малые пророки // Книги Ветхого Завета в переводе П. А. Юнгера. М.: Издательский Совет Русской Православной Церкви, 2006. 292 с.

6. *Ануфриева Н. В.* Тема Страшного Суда в лицевом списке сочинения Псевдо-Ипполита (по рукописи собрания ЛАИ ИГНИ УрФУ) // *Slavica Slovaca. Rocnik* 51. Bratislava, 2016. No. 2. Pp. 118–130.
7. *Байдин В. И.* Заметки об иконописцах-старообрядцах на горных заводах Урала в перв. пол. — сер. XVIII в.: новые имена и новое об известных мастерах // *Невьянская икона. Вып. I.* Екатеринбург, 2002. С. 58–81.
8. *Байдин В. И.* Лицевая книга Сибири // *Сибирская икона.* Омск, 1999.
9. *Бережная Л. А.* «Одесную» и «ошуюю». Русские и русинские православные иконы «Страшного Суда» на рубеже эпох // *Человек между царством и империей: сборник материалов международной конференции.* М., 2003. С. 453–480: URL: <http://drevn.p Narod.ru/berejnaja.htm> (дата обращения: 02.10.2015).
10. *Братчикова Е. К.* Сборник образцов для иллюстрирования Жития Василия Нового (из собрания Ф. И. Буслаева) // *Труды Отдела древнерусской литературы.* СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. Т. LV. С. 549–559.
11. *Буслаев Ф. И.* Изображение Страшного Суда по русским подлинникам // *Древнерусская литература и православное искусство.* СПб., 2001. С. 187–209.
12. *Буслаев Ф. И.* Свод изображений из Лицевых апокалипсисов по русским рукописям с XVI в. по XIX в. [Исследование]. М., 1884.
13. *Вилинский С. Г.* Житие святого Василия Нового и Григориево видение в русской литературе. Одесса, 1913.
14. *Вилинский С. Г.* К литературной истории Жития Василия Нового. Одесса, 1911.
15. *Давидова М. Г.* Иконы «Страшного Суда» XVI–XVII вв. Пространство художественного текста // Сайт «Образовательный портал “Слово”». URL: http://www.portal-slovo.ru/art/35909.php?ELEMENT_ID=35909&PAGEN_1=4 (дата обращения: 01.04.2017).
16. Лаборатория археографических исследований Института гуманитарных наук и искусств Уральского федерального университета. IV.23р (Сборник эсхатологический).
17. Лаборатория археографических исследований Института гуманитарных наук и искусств Уральского федерального университета. V. 354р (Сборник эсхатологический).
18. Лаборатория археографических исследований Института гуманитарных наук и искусств Уральского федерального университета. V.77р (Сборник эсхатологический).
19. Нижнетагильский музей-заповедник (НТМЗ). ТМ-18104.
20. *Пивоварова Н. В.* Страшный Суд. СПб., 2014. 73 с.
21. *Покровский Н. В.* Страшный Суд в памятниках византийского и русского искусства // *Труды VI Археологического съезда в Одессе (1884 г.). Т. III.* Одесса, 1887. С. 285–381.
22. Пророк Даниил. Малые пророки // *Книги Ветхого Завета в переводе П. А. Юнгера.* М.: Издательский Совет Русской Православной Церкви, 2006. 292 с.
23. *Цодикович В. К.* Семантика иконографии Страшного Суда в русском искусстве XV–XVI вв. Ульяновск, 1995. 298 с.
24. *Щедровицкий Д. В.* Пророчества Книги Даниила. 597 год до н. э. М.: Оклик, 2010.

Natalya V. Anufrieva

THE ICONOGRAPHY OF THE LAST JUDGMENT ACCORDING TO THE OLD BELIEVERS' MANUSCRIPTS OF THE BOOK COLLECTIONS OF THE MIDDLE URAL

Abstract

The dramatic multidimensional composition of the Last Judgment consists of separate plots that have been enriched since the very beginning of Christianity: they were taken from theological texts, moral books, canonical and apocryphal works which consistently made the perception of the Doomsday theme more clear and obvious.

The author analyses some iconographical plots of the manuscripts from the book collections of the Urals region which have also enlarged the general perception of the Last Judgment. Ural copyists followed the text to make a visual series while using the tradition of their own or adopting some other traditional perceptions of the Doomsday including some elements of Western European tradition; as a result, one can observe the peculiarities of pictorial series of the manuscripts performed in the Ural region.

Keywords: *Last Judgment, miniature, Christian iconography, Old Belief, manuscripts.*

References

1. Anufrieva N. V., Pochinskaia I. V. *Litseyve Apokalipsisy Urala (katalog-monografiia)* [Illuminated Apocalypses of the Ural (Catalogue-monograph)]. Ekaterinburg, 2014, 230 p.
2. Anufrieva N. V. Apokalipticheskiy obraz Mikhaila Arkhangel'a v russkoi traditsii i otrazhenie ego v ikonografii Nizhnetagil'skoi rukopisi [The apocalyptic image of Archangel Michael according to Russian tradition and the reflection of it in the iconography of the Nizhny Tagil manuscript]. *Vestnik Ekaterinburgskoi dukhovnoi seminarii — Bulletin of the Ekaterinburg Theological Seminary*, 2015, no. 2 (10), pp. 53–66.
3. Anufrieva N. V. Ikonografiia Strashnogo Suda po dvum pamiatnikam knizhnykh sobranii Uralo-Sibirskogo regiona [The Iconography of the Last Judgment according to 2 examples of the Ural-Siberian Book Collections]. *Przeglad Wschodnioeuropejski*. VII/I. Olsztyn, 2016, pp. 67–82.
4. Anufrieva N. V. Sravnitel'no-istoricheskii analiz izobrazitel'noi traditsii staroobriadcheskogo illuminirovannogo Apokalipsisa na primerakh spiskov Laboratorii arheograficheskikh issledovaniy UrFU [The Comparative historic analysis of the painting tradition of the Illuminated Apocalypse Book of Old Believers on the examples of manuscript copies of the Archeographical Research Laboratory of the Ural Federal University]. *Vestnik muzeia "Nev'ianskaia ikona" — Bulletin of the Neviansk Icons Museum*. Ekaterinburg: Izd. gruppya «Kolumb», 2013, issue IV, pp. 112–134.
5. Anufrieva N. V. Tema Strashnogo Suda v litsevom spiske sochineniia Psevdo-Ippolita (po rukopisi sobrania LAI IGNI UrFU // Slavica Slovaca. Rocnik 51. Bratislava, 2016. No. 2.

- Pp. 118-130 [The theme of Last Judgement in Illuminated Manuscript Copy of Pseudo-Hippolytus's works (on the manuscript from the collection of LAI IGNI UrFU). – Slavica Slovaca. Rocnik 51. Bratislava, 2016. No. 2. Pp. 118-130].
6. Anufrieva N. V. «Zhitie Vasiliia Novogo i Grigorievo videnie», ego mesto v srednevekovom krughe chteniia [“The Life of St. Vassily Novy and Grigory’s Vision” and its’ position in the Medieval circle of reading]. *Vestnik muzeia “Nev’ianskaia ikona” — Bulletin of the Neviansk Icons Museum*. Ekaterinburg: Izdat. gruppa «Kolumb», 2008, issue III, pp. 161–232.
 7. Baidin V. I. Litsevaia kniga Sibiri [Illuminated book of Siberia]. *Sibirskaiia ikona* [The Siberian Icon]. Omsk, 1999.
 8. Baidin V. I. Zametki ob ikonopistsakh-staroobriadtsakh na gornyykh zavodakh Urala v perv. pol. — ser. XVIII v.: novye imena i novoe ob izvestnykh masterakh [Notes on the icon painters from Old Believers of the Ural mining factories in the first half of the 18th c.: the new names and the new facts about famous masters]. *Nev’ianskaia ikona* [The Neviansk Icon]. Ekaterinburg, 2002, issue I, pp. 58–81.
 9. Berezhnaia L. A. “Odesnuui” i “oshuiuiu”. Russkie i rusinskie pravoslavnye ikony «Strashnogo Suda» na rubezhe epokh [“At the right hand of the Father” and “at the left hand”. Russian and Ruthenian orthodox icons of the Last Judgment at the turn of the ages]. *Chelovek mezhdu tsarstvom i imperiei: sbornik materialov mezhdunarodnoi konferentsii* [A Human Being between a Kingdom and an Empire: The International Conference Materials]. Moscow, 2003, pp. 453–480. Available at: <http://drevn.narod.ru/berejnaja.htm> (accessed: 02.10.2015).
 10. Bratchikova E. K. *Sbornik obraztsov dlia illiustrirovaniia Zhitia Vasiliia Novogo (iz sobraniia F. I. Buslaeva)* [Collection of samples for illustrating “The Life of St. Vassily Novy” (From the Collection of F. I. Buslaev)]. *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury — Transactions of the Department of Old Russian Literature*. St. Petersburg: Dmitrii Bulanin, 2004, vol. LV, pp. 549–559.
 11. Buslaev F. I. *Izobrazhenie Strashnogo Suda po russkim podlinnikam* [The Last Judgment images according to the original Russian scripts]. *Drevnerusskaia literatura i pravoslavnoe iskusstvo* [The Old Russian Literature and the Orthodox Art]. St. Petersburg, 2001, pp. 187–209.
 12. Buslaev F. I. *Svod izobrazhenii iz litsevykh Apokalipsisov po russkim rukopisiam s XVI v. po XIX v.: Issledovanie*. [The Collection of illustrations of the illuminated Apocalypses of the Russian manuscripts from the 16th to the 19th cc. (Research)]. Moscow, 1884.
 13. Davidova M. G. *Ikony «Strashnogo Suda» XVI–XVII vv. Prostranstvo khudozhestvennogo teksta* [The icons of the Last Judgment of the 16th–17th cc. In the domain of a fiction text]. Available at: http://www.portal-slovo.ru/art/35909.php?ELEMENT_ID=35909&PAGEN_1=4 (accessed: 01.04.2017).
 14. Laboratoriia arkheograficheskikh issledovaniia Instituta gumanitarnykh nauk i iskusstv Ural’skogo federal’nogo universiteta. IV. 23r (Sbornik eskhatologicheskii) [Eschatological Collection].
 15. Laboratoriia arkheograficheskikh issledovaniia Instituta gumanitarnykh nauk i iskusstv Ural’skogo federal’nogo universiteta. V. 77r (Sbornik eskhatologicheskii) [Eschatological Collection].

16. Laboratoriia arkheograficheskikh issledovaniï Instituta gumanitarnykh nauk i iskusstv Ural'skogo federal'nogo universiteta [The Archeographical Research Laboratory of the Institute of Humanities and Arts of the Ural Federal University]. V. 354r (Sbornik eskhatologicheskii).
17. Nizhnetagil'skii muzei-zapovednik [The Museum-Reserve of Nizny Tagil]. TM-18104.
18. Pivovarova N. V. *Strashnyi Sud* [The Last Judgment]. Saint Petersburg, 2014, 73 p.
19. Pokrovskii N. V. Strashnyi Sud v pamiatnikakh vizantiiskogo i russkogo iskusstva [Plots of the Last Judgment in the Byzantine and Russian Art]. *Trudy VI Arkheologicheskogo s'ezda v Odesse (1884 g.)* [Proceedings of the 6th Archeological Congress in Odessa (1884)], vol. III. Odessa, 1887, pp. 285–381.
20. Prorok Daniil. Malye proroki [Book of Daniel. The Minor Prophets]. *Knigi Vetkhogo Zaveta v perevode P. A. Iungerova* [The Books of the Old Testament translated by P. A. Iungerov]. Moscow: Izdatel'skii Sovet Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi, 2006, 292 p.
21. Shchedrovitskii D. V. *Prorochestva Knigi Daniila. 597 god do n. e.* [The prophesies of the Book of Daniel. 597 B. C.]. Moscow: Oklik, 2010.
22. Tsodikovich V. K. Semantika ikonografii Strashnogo Suda v russskom iskusstve XV–XVI vv. [Semantics of the Last Judgment iconography in Russian Art of the 15th–16th cc.]. Ul'ianovsk, 1995, 298 p.
23. Vilinskii S. G. *K literaturnoi istorii Zhitiia Vasiliia Novogo* [For the literary history of “The Life of St. Vassily Novy”]. Odessa, 1911.
24. Vilinskii S. G. *Zhitie sviatogo Vasiliia Novogo i Grigorievo videnie v russkoi literature* [“The Life of St. Vassily Novy and Grigory's Vision” in the Russian literature]. Odessa, 1913.



Ил. 1. Икона «Страшный Суд». Слева: XII в., монастырь св. Екатерины на Синае (Египет)
Справа: XIX в., государственный музей-заповедник «Ростовский Кремль» (Россия)



Ил. 2. Великий Суд по запечатленному в книгах жизни. ЛАИ УрФУ. XIV.42р. Л. 228



Ил. 3. Пророк Даниил и Архангел Михаил.
Фрагмент. НТМЗ. Л. 50 об.



Ил. 4. Михаил Архангел созывает всех на Суд.
Фрагмент. НТМЗ. Л. 112 об.



Ил. 5. Суд над еретиками. ЛАИ УрФУ. IV.23р. Л. 78 об.



Ил. 6. Муки грешников, разделенных по видам грехов. МНИ. № 2.5. Л. 32



Ил. 7. Видение Даниилом вышедших из моря «зверей», ДАИ Урфу. V.354р. Л. 239



Ил. 8. Видение святого Агапия, ДАИ Урфу. XXII.17р. Л. 8 об.